

Создание примерно в 1695 г. Преображенского приказа, сконцентрировавшего к началу XVIII в. розыск по делам, отнесенным к разряду «государевых», безусловно, усилило информированность власти о нарушениях политических статей Соборного уложения 1649 г. и позволило изымать соответствующих подследственных из области компетенции прочих ведомств. В свою очередь, увеличилось число лиц, так или иначе знающих процедуру политического розыска и его особость. Это знание накладывалось на давнее знакомство с понятием извета как «публично-правовой обязанности»¹. Ряд статей уложения² предусматривал наказание за доноительство, но преимущественной мотивацией изветов являлась награда за уличение преступника, за изъявление усердия и верности государю. Заметим, что награда в виде имения или чина назначалась отдельными царскими указами. В отношении политических преступлений лишь статья 15 главы II говорит о пожаловании из «животов» изменника тому, кто убьет его или приведет к царю³. А именной указ от 25 января 1715 г. напоминал о возможности безбоязненно доносить и получать «милость» за справедливый донос в следующих «нужных и важных делах»: о злом умысле против персоны Е.В. или измене, о возмущении или бунте, о похищении казны. В пример приводились изветы на Цыклера, Шакловитого и прочие, а также фискальные доносы⁴. Значительная часть изветов делалась людьми, привлеченными по гражданским судебным делам, находившимися под следствием, ожидавшими наказания или во время наказания, наконец, крепостными или дворовыми. Для них наградой был выигрыш в тяжбе, освобождение из заточения, от каторги, от казни, от личной зависимости, месть обидчику - несправедному судье или господину.

В законодательстве существовало в основном две категории изветов: доказанный (когда обвиняемый, будучи «уличен», признавался в произнесении слов или совершении действий, определяемых как «государевы») и признанный следствием ложным. Последнее влекло за собой, соответственно Соборному уложению, разной степени наказания. Статьи 13 и 14 говорят о наказании кнутом за ложный навет при «смягчающих» обстоятельствах: людей и крестьян, не уличивших господ, и «всяких чинов людей», «избывающих» побои или находящихся в пьяном состоянии⁵. Формулировка статьи 17 более жесткая: изветчику, затеявшему на кого-либо «дело напрасно», учинить то, «чего бы довелся тот, на кого он доводил»⁶. Существовали и другие случаи, когда после объявления «государевых слова и дела»⁷ обнаруживались обстоятельства, не относившиеся к «Государскому здоровью» и «Высокомонаршеской чести» или к бунту и измене. Обычай и некоторые указы Петра I, в известной степени отразившие его, грозили и за это жестоким наказанием⁸.

Следует упомянуть и о статье 12, оставлявшей до высочайшего указа решение вопроса о дальнейшем розыске и, следовательно, об определении, справедлив донос или ложен. Так следовало поступать, если доноситель «свидетелей на тот свой извет никого не поставит и ничем не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим»⁹. Контекст статьи заставляет предполагать, что здесь речь не идет о людях «подозрительных» (дворовых, крестьянах и избывающих наказания). Но судебная практика и XVII, и XVIII в. являет примеры обращения к государю за окончательным вердиктом, когда имели дело с такого рода

извечниками, упорно стоявшими на своем. Иногда указ предписывал отпустить без наказания обвинителя и обвиняемого¹⁰.

Учреждение упомянутого Преображенского приказа, а затем Канцелярии тайных розыскных дел (1718), пристальное внимание Петра I к их деятельности и даже личное его участие в допросах давало возможность и заставляло тщательно проводить разбирательство и по таким извещениям, к которым власти всегда относились с настороженностью и предубеждением. Дело драгуна А. Полибина 1719-1720 гг., являющееся предметом данной статьи, представляет собой подобный юридический казус.

Одиннадцатого сентября 1719 г. с каторжного двора в Санкт-Петербурге в Канцелярию полицмейстерских дел был прислан бывший драгун Великолуцкого полка Андрей Полибин, сказавший за собой «государево слово и дело». Генерал-полицмейстер А.М. Девиер доложил о нем царю, и тот велел осмотреть каторжника и, «ежели у него явятца какие писма, то, не смотря оныя, запечатав», объявить ему самому". Писем не обнаружилось, но Полибин сообщил, что «ко оправданию его писма» находятся у его брата. По указанному Полибиным адресу такого не нашли¹². Каторжника при письме Девиера отослали в Преображенскую канцелярию (отделение Преображенского приказа в Санкт-Петербурге), где он изменил показания: письмо для подачи царю вручил ему содержащийся на том же каторжном дворе солдат Дмитрий Шестаков; в письме содержался извет на некоего суздальского подьячего, имевшего намерение известить государя¹³. Через несколько дней Полибина препроводили в Канцелярию тайных розыскных дел. Там он заявил, что упомянутое письмо разорвал тогда же при Шестакове, в присутствии колодника Нагаева и караульных гренадеров¹⁴. После очных ставок с предполагаемыми свидетелями и привода в застенок (6 октября) бывший драгун повинился, сказав, будто на Шестакова и другого колодника «затеял он напрасно, желая себе избавление от каторжной работы». «С розыску», то есть после пытки, говорил то же¹⁵. Каторжника отправили в крепость.

Но 11 ноября Полибин снова объявил «слово и дело», а в расспросе сказал следующее: московский вице-губернатор В.С. Ершов и лейб-гвардии майор А.И. Ушаков в конце декабря 1717 г. собирались убить царя «на потехе» на Царицыном лугу в Москве. К тому же называли поносными словами царицу Екатерину Алексеевну и Царевича Петра Петровича. Последнему не хотели «в наследии креста целоват[ь]» и желали выбрать иного царя - «из русских знатную персону». Обо всем этом якобы значится в письмах знатных господ, переданных Полибину секретарем Ершова и спрятанных на квартире у посадского в Красном Селе. По просьбе драгуна посадский прислал их 7 ноября 1719 г., и тот отдал письма с доношением фискалу Никифору Рюмину для объявления обер-фискалу А.Я. Нестерову, а затем и царю¹⁶.

Здесь сделаем необходимое отступление, обратившись к истории Полибина до прощания на каторжном дворе, насколько позволяют ее восстановить различные документы Тайной канцелярии и Преображенского приказа. Это объяснит педантичность расследования и факт доклада Девиера Петру I.

Если верить показаниям самого драгуна, с 1714 г. он находился в бегах. По крайней мере с ноября 1717 г. он за кражу лошади содержался под караулом в розыскной канцелярии ведомства И.Н. Плещеева в Москве. В январе 1718 г. в Земской канцелярии сказал за собой «государево слово» — первоначально на неких Челищевых, о которых ранее извещал торопецкому фискалу. По словам Полибина, его четырежды водили на Генеральный двор, и допрашивал его майор Ушаков, занимавшийся в то время розыском по делу царевича Алексея. Но перед царем — как беглый драгун, видимо, рассчитывал - его не поставили. Неясно, правда, проходили ли допросы по извету на Челищевых (содержания его в деле

нет) или было прибавлено нечто о «похищении государевой казны», чем занималась розыскная канцелярия ведомства Ушакова. Из Земской канцелярии Полибина перевели в тюрьму Преображенского приказа, где 30 марта 1718 г. он подал письмо фискалу Никифору Рюмину, пришедшему в Преображенский приказ навестить свойственника, колодника Матвея Немолотого. Письмо содержало извет на двух начальников розыскных канцелярий — поручика лейб-гвардии Преображенского полка князя М.Я. Лобанова-Ростовского и И.С. Чебышева: 1 декабря 1717 г. они якобы замыслили убить царя на потехе на Царицыном лугу. Сам Рюмин собирался бить челом на князя Лобанова-Ростовского об «обидах своих» Петру I в Петербурге, поэтому извет Полибина делал более обоснованным обращение к высшей власти. Рюмин вручил письмо майору Ушакову, а тот прислал фискалу в Преображенский приказ. Все это снова заставило судей приказа обратить внимание на колодника Полибина, находившегося в их ведомстве несколько месяцев. В начале апреля тот отправил еще один извет царю с арзамасским подьячим Тимофеем Поповым, некоторое время содержавшимся в Преображенском приказе¹⁷. В расспросах 31 марта и 9 апреля Полибин подтвердил донос на Лобанова-Ростовского и Чебышева, указав в качестве источника извета подслушанный в канцелярии Плещеева разговор последних и письмо колодника той же канцелярии, умершего еще в конце декабря 1717 г.¹⁸ Кроме того, якобы на сохранении у человека Полибина имелось еще одно письмо — заключенного Преображенского приказа Надеина, свидетельствовавшее о связи рязанского архиерея с Мазепой и компрометировавшее Ф.Ю. и И.Ф. Ромодановских: они будто держат в своей вотчине людей атамана Некрасова и вместе с приказными служителями «запытали» многих доносителей и уничтожили «великие дела»¹⁹.

Девятого июня того же 1718 г. перед князем И.Ф. Ромодановским беглый драгун дал новое показание. В марте 1713 г., будучи на постое в Санкт-Петербурге, он навещал стольника А.Ф. Лопухина, который приходился ему дядей, и просил займы денег. Лопухин послал его за неким «составом» в город Корелу к иноземцу, купцу Христофору Немирову. Иноземец передал Полибину железную коробочку, привезенную из Або (Швеция), в которой оказалось восемь медных сосудов с разным зельем и в одном - «вощаной человек»²⁰. С помощью этих составов Лопухин намеревался-де известить царя и снова сделать свою сестру царицей. Вернувшись в Петербург, Полибин стольника не застал, а стольникова жена отказалась принять коробочку, потому он и зарыл ее на Адмиралтейской стороне. Свидетелем драгун назвал дворецкого Лопухиных П. Сунгурова. Полибин хотел известить Петра I, однако тот был в Ревеле, а затем сам Полибин находился в бегах²¹. Двадцать первого августа 1718 г. драгун, вновь давая показания, соединил вместе три извета - на Чебышева с Лобановым-Ростовским, на Ромодановских и на Лопухина. Все они, по его словам, вели переписку, в которой излагались планы убить государя и выбрать царем князя И.Ф. Ромодановского, а письма Лопухина к иноземцу Немирову и Лобанова-Ростовского к Лопухину Полибин готов был предъявить следствию²². Правда, в расспросе 3 ноября он сообщил, что послал их царю и князю Меншикову с Поповым и солдатом Преображенского полка А. Арбузовым²³.

Тем временем и фискал Рюмин стимулировал интерес властей к Полибину, делая изветы (в мае и октябре 1718 г.) и высказывая тревогу за жизнь колодника²⁴. К розыску привлекли человека Лопухиных. Для выяснения, на ком был женат стольник в 1713 г. (Лопухин был женат трижды, драгун назвал жену по имени Марфа), расспросили священников церквей, где он венчался, взяли венечную память и письмо митрополита Рязанского и Муромского Стефана с благословением на второй брак²⁵. Чтобы уточнить местонахождение Лопухина в

указанном году, понадобилась справка из Посольского приказа: в июне 1712 г. его посылали в Константинополь²⁶. Наконец, царскими грамотами вызвали в Преображенский приказ князя Лобанова-Ростовского и Чебышева²⁷. В расспросах они отрицали все, даже само пребывание их в Москве в начале декабря 1717 г. и знакомство с Полибиным²⁸.

Хотя «своеручный» извет от 21 августа 1718 г. драгун подкреплял готовностью принять смертную казнь, после очных ставок в застенке, на дыбе, неутомимый доноситель признался, что оговорил Лобанова-Ростовского, Чебышева, Лопухина с женой и дворецким и Ромодановских. Лобанова - по уговору колодника Матвея Немолотова²⁹, Чебышева — так как случайно видел его в канцелярии, Лопухина — зная, что он шурин Лобанова-Ростовского и на него «есть гнев государев», а Ромодановских — потому что Федор Юрьевич был тестем Лопухина (по первой жене, Федосье), соответственно, Иван Федорович - шурином. Писем Лопухина и Лобанова-Ростовского у него никогда не было, а Попову и Арбузову давал изветы на Лобанова-Ростовского и Чебышева (это позднее подтвердил и Попов); которые сочинял вместе с Немолотым и Поповым³⁰. Но после очных ставок и повторного расспроса Полибин взял всю вину на себя³¹.

В январе 1719 г. бывший драгун пытался покончить с собой, а затем снова стал уличать гвардейских поручиков³². В марте 1719 г. четверых колодников - Полибина, Рюмина, Немолотова и Попова отвезли в Преображенскую канцелярию в Петербурге, и процесс тянулся до лета, когда именным указом от 15 июня, объявленным князем И.Ф. Ромодановским, Полибин «за ложные воровские изветы» вместо казни был приговорен к каторжным работам и отослан в Канцелярию полицмейстерских дел с «памятью»: если и на каторге он станет говорить «слово и дело», казнить его, не сообщая в Преображенский приказ и другие ведомства³³.

Тем не менее каторжник «обратился яко пес на свою блевотину»³⁴ и повторил версию о попытке убийства Петра I на Царицыном лугу, но — с другими персонажами. В качестве помощника в доносе он назвал уже знакомого нам фискала Рюмина. Однако в результате переписки с князем Лобановым-Ростовским выяснилось, что Рюмин был передан князю из Преображенского приказа 8 августа 1719 г. по крайней мере до декабря находился для розыска безотлучно в Переславле-Рязанском³⁵. Тогда Полибин указал на Тимофея Попова и Матвея Немолотова как которое Попов в мае 1718 г. пытался вручить царю. После новых очных ставок с Поповым и пытки Андрей Полибин опять признался в оговоре. По указу Канцелярии тайных розыскных дел от 24 мая 1720 г. (со ссылкой на 1 и 17 статьи главы 11 Уложения и указ от 15 июня 1719 г.) он был приговорен к смертной казни и четвертован 3 июня за кронверком Санкт-Петербургской крепости³⁶.

Через несколько месяцев, 21 ноября 1720 г., священник церкви Николая Чудотворца Малышева погоста Костромского уезда Василий Белоус, содержащийся в остроге ведомства Юстиц-коллегии в Петербурге, доносил подпоручику В. Языкову, пришедшему для раздачи милостыни: «...слышал от присланного под[ъ]ячего из Тайной Канцелярии от Гарасима Екимова с[ы]на Карачевского, что де Андрей Ушаков хотел отравить Ц[а]рского Величества, и за то де драгуну, что хотел доносит[ь], отрубили голову, а письма ево, Ушакова, остались у камисара Кожина...»³⁷. Белоуса доставили в Тайную канцелярию, и при расследовании выяснилось, что священник с 1715 г. с небольшими перерывами за разные доносы находился под стражей в различных ведомствах - от Ушаковской канцелярии до Юстиц-коллегии. В 1716 г. он присылался в Преображенский приказ и был наказан за ложный извет. В феврале 1718 г. Белоус у Зимнего дворца подавал караульному офицеру письма для царя и князя

А.Д. Меншикова, составленные известным фискалом Ефимом Саниным³⁸, о злом умысле на Петра I, сговоре «знатных русских персон» с Мазепой и «великом Государевом интересе», «похищенном» с попустительства майора Ушакова и обер-фискала Нестерова³⁹. О Полибине сообщил священнику пребывавший также под караулом бывший адъютант Тихон Торопов со слов подьячего Алексея (а не Герасима) Екимова сына Карачевского⁴⁰. Еще в начале сентября 1720 г. Торопов в связи с этим делом «кричал караул» (для взятия под стражу и представления царю) у прапора в лагере Преображенского полка. После короткого розыска Карачевского наказали в Преображенской канцелярии кнутом за несвоевременный донос, а затем он, Торопов, и свидетель, поляк С. Зелинский, были отосланы по-прежнему в Юстиц-коллегию⁴¹. Карачевский вскоре умер.

При расспросе в Преображенской канцелярии поручика А. Кожина подтвердилось, что во время пребывания того под караулом в крепости Полибин отдал для донесения царю карандашную записку на лоскутке бумаги о намерении Ушакова убить Петра I, об оскорблении царицы и злонамеренности советчиков из Тайной канцелярии. К царю Кожина не допустили, и он передал записку капитану флота Зотову, который писал о поручике государю и в Преображенской канцелярии объявил, что готов был предъявить полибинский извет самому Петру⁴².

Итак, со смертью беглого драгуна обвинение майора Ушакова в злом умысле не исчезло, а сам Полибин приобрел ореол доносителя-мученика, по меньшей мере в среде подобных же изветчиков. Еще раз его тень была потревожена в 1721 г., когда многократно упоминавшийся Попов явился с жалобой к царю в Адмиралтействе и после, в Тайной канцелярии, сказал «о безвинном розыске на нем» по делу драгуна. В 1722 г. дело Попова взяли в Сенат из-за невозможности расследования в канцелярии⁴³.

Остановимся теперь на некоторых аспектах означенных розыскных дел. Во-первых, на их взаимосвязи. Дела Полибина и Белоуса соединены не только между собой, но и со многими другими политическими (если можно применить здесь этот термин) и неполитическими делами: Попова, Рюмина, Якимова, Шестакова и прочими. Одни и те же лица проходят в разное время по разным делам - в качестве подателей собственноручных изветов (Полибин, Санин), сочинителей доношений, подаваемых другими (Полибин, Санин), доносителей, использующих и по-своему обрабатывающих подобные же изветы или случайно услышанные слова, касающиеся трех категорий государственных преступлений, обозначенных в ранее упомянутом указе 25 января 1715 г. тремя первыми пунктами (Рюмин, Якимов). То как изветчики, то как свидетели, они на протяжении многих лет попадают из одного ведомства в другое: из Преображенского приказа в Тайную канцелярию и обратно, из розыскных канцелярий Ушакова, Плещеева, Дмитриева-Мамонова или Кошелева - в Преображенскую и Тайную канцелярии. Можно говорить даже о некотором «рецидивизме». Белоус - только по вопросам, связанным со «словом и делом», - привлекался три раза, все три - как изветчик. Выступавшие в роли свидетелей по показаниям священника: Санин — три раза и Торопов — один раз, тоже как изветчик. По делам Полибина Попов проходил трижды (один раз как изветчик) и трижды - сверх того. Рюмин - три раза, и все три - доносителем. Шестаков и Немолотый до встречи с драгуном доносили по одному разу. С точки зрения права все они, находясь в различных розыскных ведомствах, будучи под угрозой наказания или уже его отбывая, являлись негодными свидетелями, тем более изветчиками. К ним уместно было бы применить упомянутую вначале статью 14 главы II Уложения и главу III «О свидетелях» II части «Краткого изображения процессов в Воинском уставе»⁴⁴. Но повторное привлечение в качестве обвинителей или просто свидетелей (по политическим и неполитическим делам) изветчиков, ранее осужденных и наказанных за оговор,

объективно очищало последний и размывало грань между изветом ложным и недоказанным, что поощряло новые доносы и производило новых доносителей. При этом они руководствовались примером фискалов с их свободой в проведывании, донесении и обличении при суде и минимумом ответственности за недоказанный донос⁴⁵. Именным указом 25 января 1715 г. фискалы даже преподносились как образец усердных и верных подданных: «они непрестанно доносят не точию на подлых, но и на самыя знатныя лица без всякой боязни»⁴⁶.

Укажем на характерные признаки изветов. Прежде всего это расширительное толкование правовых норм. «Похищение государственного интереса» — от укрывательства беглых рекрутов до мздоимства и казнокрадства — вводилось в категорию «государевых слова и дела», чему способствовали и некоторые указы, ставившие среди «нужных и важных дел» злой умысел против персоны Е.В., измену и похищение казны⁴⁷. Отсюда соединение в доношениях сюжетов со злоумышлением на царя и лихоимством (например, в делах Белоуса, Рюмина, Санина). Более того, часто «слово и дело» становятся вспомогательным средством для скорейшего Доклада государю о различных злоупотреблениях. Объявляли о заговоре против Петра I, а при дознании указывали на того или иного казнокрада. В случае с подьячими и фискалами, своего рода профессионалами, нельзя все списать на неведение содержания трех пунктов, нужно учитывать и желание скорейшего наказания несправедливого судьи или мздоимца присоединением к обвинению политических статей.

Следующий признак — стремление, унаследованное от предшествующих столетий, донести непосредственно царю. Петровские указы, с одной стороны, поощряли желание предстать непременно перед высшим земным судом, но в отношении «важных дел», а с другой стороны, старались пресечь подачу «бездельных» писем. Именной указ от 19 января 1718 г. отменял доношения «о похищении Его Царского Величества казны» самому царю (через караульного офицера)⁴⁸. Таким образом, «политический» донос был также способом обойти этот запрет.

Отметим и использование изветчиками прецедентов, скорее исторических, нежели юридических, при обвинении в различных преступлениях знатных вельмож и высших чиновников. Из процессов о казнокрадстве и злоупотреблениях можно вспомнить дела 1714-1715 гг. сенаторов Г. И. Волконского, В. А. Алухтина, петербургского вице-губернатора Я.Н. Римского-Корсакова, дела 1716-1717 гг. московского губернатора К.А. Нарышкина и адмиралтейств-советника А. В. Кикина; из политических процессов — касавшееся царевича Алексея и лопухинское⁴⁹. Любопытно, что московский вице-губернатор Ершов и обер-фискал Нестеров, упоминавшиеся в изветах — первый, как заговорщик, второй как укрыватель преступников, — позднее были осуждены за мздоимство. То есть, очевидно, использовалась и по-своему обрабатывалась информация о деятельности должностных лиц такого ранга, передаваемая в виде слухов или письменных изветов по цепочке официальных и неофициальных доносителей. Порой выбор объекта обвинения был случаен, часто не всегда нам понятен, но всегда основывался на личном опыте и фантазии изветчика.

Наконец, несколько слов о том, что мы называем феноменом «усеченного правосознания». Все перечисленные нами изветчики, безусловно, не являлись невежественными людьми. Они достаточно хорошо знали процедуру розыска по государственным преступлениям, хотя бы от сотоварищей по тюрьмам и острогам, постоянно присылаемых из Преображенского приказа или Тайной канцелярии. Изветчики должны были сознавать, что чем тяжелее возводимое ими на кого-либо обвинение, тем строже наказание за напрасный донос. Все они начинали как обвиняемые или как обвинители по обычным преступлениям, но свои измышления связывали не с ними, а предпочитали более опасный путь. Это нельзя объяснить лишь ожиданием некой награды. Священника Белоуса, например, хотя его извет оказался справедливым,

отправили снова в острог для дальнейшего разбирательства в Юстиц-коллегии, так как законы не предусматривали освобождения удачливого доносителя от суда, если он проходил по делам, относящимся к другому ведомству. Для лучшего понимания психологии доносов необходимо изучать особый мир фискалов, изветчиков, сочинителей подметных писем, распространителей слухов, где верноподданнические чувства соседствовали с проклятиями и яростной хулой на царя и его окружение. Сюда же относится своеобразное правотворчество, когда молва сама по себе являлась серьезным доказательством в суде, хотя и обставлялась ссылками на мнимых свидетелей и несуществующие улики, а обыкновенные волокита и чиновный деспотизм служили основанием для приписывания самых тяжких преступлений.

¹ См.: *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 121.

² См.: *Соборное уложение 1649 года.* Л., 1987. Глава 2. Статьи 6, 9, 19.

³ См.: Там же. С. 20-21.⁴См.:ПСЗ.Т. 5. С. 137-138. № 2877.

⁵ См.: *Соборное уложение 1649 года.* С. 20-21.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Подобными словами с 1610-х гг. обозначали показания о предметах государственной важности, копивших в исключительную компетенцию монарха, в основном о политических преступлениях – от устного оскорбления чести царя и членов его семьи до покушения на его жизнь и измены. Однако слово и дело» вмещало и сведения о казнокрадстве, о кладах, месторождениях драгоценных металлов.

⁸ Именные указы от 23 декабря 1713 г. и от 19 января 1718 г. См.: ПСЗ. Т. 5. С. 76. № 2756; Там же. С. 531-532. № 3143.

⁹ *Соборное уложение 1649 года.* С. 20.

¹⁰ См., например, дело Ивана Стриги 1625 г. по извету крестьянина Т. Кондырева См.: *Новомбергский Н.* Слово и Дело Государевы. М., 1911. Т. I. С. 19-22.

¹¹ РГАДА, ф. 7, д. 53, л. 2.

¹² Там же, л. 2 об.

¹³ Там же, л. 3-3 об.

¹⁴ Там же, л. 4-4 об.

¹⁵ Там же, л. 8 об.

¹⁶ Там же, л. 9-10 об.

¹⁷ В январе 1718 г. Тимофей и Иван Поповы подавали в Москве царю доношение «по третьему пункту», то есть о хищении казны. Поэтому были взяты в канцелярию ведомства Ушакова. За нарушение именного указа от 19 января 1718 г. о запрете подавать самому государю подобные доношения Тимофей в феврале был наказан кнутом и при наказании объявил «слово и дело». Отослан в Преображенский приказ, откуда в апреле, по расследовании, его перевели на потешный двор. Затем Поповых отправили в Санкт-Петербург в канцелярию ведения Г.И. Кошелева. (РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 14 347, л. 39 об. -42 об.; ф. 7, д. 53, л. 18-19.)

¹⁸ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 14 347, л. 66 об. - 68 об.

¹⁹ Там же, л. 71-72 об.

²⁰ Видимо, средство симпатической магии.

²¹ РГАДА, Ф- 371, оп. 1, д. 14 347, л. 77-80.

²² Там же, л. 81 об. -82 об.

²³ Там же, л. 87 об. -90 об.

²⁴ Там же, л. 57-60, 74 об. - 76 об.

²⁵ Там же, л. 91-92 об.

²⁶ Там же, л. 93 об. - 94, 97 об. - 98 об.

²⁷ Там же, л. 94 об.

²⁸ Там же, л. 102-103 об., 107 об. - 109 об.

²⁹ Посадский человек, находился для розыска «в воровствах» в канцелярии ведения Лобанова-Ростовского в Переславле-Рязанском. Доносил на князя в оскорблении наследника престола и разных злоупотреблениях. Его дело разбиралось в Преображенской канцелярии в Петербурге, где он был наказан кнутом за ложное сказывание «государева слова», затем отослан в Преображенский приказ, а оттуда 5 августа 1719 г. - в канцелярию Лобанова-Ростовского для дальнейшего розыска. См.: Там же, л. 54—54 об.

³⁰ Там же, л. 111-114 об. В сентябре 1718 г. Попова отправили из канцелярии Кошелева в Казань. В Преображенское доставили 24 декабря того же года. См.: Там же, л. 106 об.— 107, 138 об.

³¹ Там же, л. 114 об. — 116 об., 140-142, 154-155.

³² Там же, л. 155-155 об.

³³ Там же, л. 185-188.

³⁴ Там же, ф. 7, д. 53, л. 49 об.

³⁵ Там же, л. 22-22 об.

³⁶ Там же, л. 49-50.

³⁷ Там же, д. 52, л. 2-2 об.

³⁸ Фискал из купцов. За неоднократные ложные доносы об умысле на здоровье государя и о хищении казны сослан на каторгу. В 1720 г. в Петербургской крепости через поручика флота Александра Кожина подавал изветы на судей Тайной канцелярии И.И. Бутурлина и А.И. Ушакова, начальника розыскной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова и обер-фискала Нестерова. В 1724 г. был приговорен Петром I к колесованию, но из-за очередного извета получил отсрочку в исполнении приговора. По определению рховного Тайного Совета от 20 апреля 1725 г. Санина освободили от смертной казни и сослали на каторгу пожизненно. См.: *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, ¹⁹0; С.117; РГАДА, ф.7, д.79.

³⁹ РГАДА, ф. 7, д. 52, л. 9-12.

⁴⁰ В официальных документах - Алексей Якимов. Подьячий Киевской губернии. Как доноситель известен Тайной и Преображенской канцелярии с 1718 г. О нем сообщал и Т. Попов (РГАДА, Ф- 371, оп. 1, д. 14 347, л. 40 об. -44).

⁴¹ РГАДА, Ф- ⁷ Д- ⁵² л. 12 об. - 14 об., 23-23 об.

⁴² Там же, л. 22-23 об.

⁴³ Там же, д. 53, л. 58.

⁴⁴ См : ПСЗ. Т. 5. С. 394-400. № 3006.

⁴⁵ См.: Там же. С. 251-253. № 3006. С. 776-780. № 3479.

⁴⁶ Там же. С. 137-138. № 2877.

⁴⁷ См.: Там же. Указы от 27 октября 1699 г. (см.: ПСЗ. Т. 3. С. 654. № 1707) и от 23 октября 1713 г. (см.: ПСЗ Т. 5. С. 63. № 2726) не раскрывали или нечетко определяли понятия «великие Государственные дела» и «преступники и повредители интересов Государственных».

⁴⁸ См.: ПСЗ. Т. 5. С. 531-532. № 3143.

⁴⁹ См.: *Соловьев СМ.* Сочинения. М., 1993. Кн. 8. Т. 16. С. 485; *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. С. 47.